

№ 22

22 ноября

5 коп.

ЗРИТЕЛЬ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1905.

Голодъ идетъ ко двору.

Прорванный телеграфъ.

Шутъ.

Дивитесь вы моей одеждѣ,
Смѣтесъ: что за пестрота! —
Я нисхожу къ вамъ, какъ и прежде,
Въ святомъ обличіи шута.

Мнѣ законъ вашъ — не указка.
Смѣхъ мой — правда безъ границъ.
Размалеванная маска
Откровеннѣй вашихъ лицъ.

Весь лоскутьями пестрѣя,
Бубенцами говоря,
Шутовскій колпакъ честиѣ,
Чѣмъ корона у царя.

Иное время, и дороги
Уже не тѣ, что были встарь,
Когда я смѣло шелъ въ чертоги,
Гдѣ ликовалъ надменный царь.

Теперь на сходкѣ всенародной
Я подымаю бубенъ мой,
Смѣюсь предъ Думою свободной,
Пляшу предъ Мертвою тюрьмой.

Что, васъ радуютъ четыре
Изъ святыхъ земныхъ свободъ?
Эй, дорогу шире, шире!
Разступайтесь, — шутъ идетъ!

Острымъ смѣхомъ онъ пронизетъ
И владыку здѣшнихъ мѣстъ,
И того, кто руку лижетъ,
Что писала манифестъ.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Въ крѣпости. ●

(Воспоминанія).

Бастіоны въ сумракѣ тонули.
Замолкалъ далекій барабанъ,
Башенки нависшія уснули
Надъ рѣкой, гдѣ проползаль туманъ...

Узники томились за стѣнами.
Пѣлъ «Коль славенъ» дремлющій соборъ.
Чуткими, неслышными шагами
Выходилъ я на тюремный дворъ.

И слѣдилъ въ тоскѣ за облаками
И на башню старую глядѣлъ...
Узники томились за стѣнами,
Сонный садъ лѣниво шелестѣлъ...

И потомъ, въ раздумьѣ засыпая,
Слышалъ я далекій, грустный хоръ...
Дремлющую крѣпость пробуждая,
Пѣлъ «Коль славенъ» сумрачный соборъ.
ЯКОВЪ ГОДИНЪ.

У подъѣзда.

Швейцаръ и два хулигана.
— Куда?

— А вотъ сюда, на лѣстницу.

— Ладно, ладно. Проходите.

— Да ты за царя или за жидовъ?

— Не за царя я и не за жидовъ, а за швейцара. Проходите, говорю!

—И—А—О—.

По командѣ.

Штатскій. Вы лѣвый или правый?

Военный. Мы по командѣ: лѣвой-правой, лѣвой-правой!...

—И—А—О—.

Забастовка.

— Охъ, горюшко мое, горе. Забастовалъ опять Жоржикъ мой!

— Помолись, мать моя, Пантелеймону-исцѣлителю.

— Сказываютъ, и онъ забастовалъ...

— Ну, заступницѣ Богородицѣ!...

— Недавно только померла матушка наша въ Кронштадтѣ.

АРРА.

Изъ современнаго Домостроя

Како крамольниковъ бити.

Казни крамольника отъ юности его и покоить ты на старость твою и дасть красоту груди и карману твоему.

И не ослабляй, бѣа крамольника; аще бо нагайкой бѣши его—не умреть, но здравѣе будетъ. Любя же крамольника, яко брата своего, учащай ему раны, да возвеселишься въ градущемъ о немъ.

Казни жидовъ, студентовъ и всѣхъ демократящихъ, да порадуешься потомъ предъ начальствомъ своимъ, а посреди злыхъ похвалишься, и зависть примутъ лежащѣ въ гробу боляре Сипягинъ и Плеве Вячеславъ. А въ полунощи тайно возставъ съ черносотенными чадами твоими, со слезами прилежно къ Богу молись и „Спаси Господи люди Твоя“ отпѣти вспомяни. Аще крамольниковъ узришь, елико возможно тихо иди и побить не предъ людьми, а наединѣ поровни.

Бей его по уху, по видѣнію и по сохому, и твердымъ твоимъ каблукомъ, а то и просто десницей своей, дабы главоболие и членоболие одолѣли и кости сокрушились его. И бити, яко христіанину подобаеть, съ молитвою и въжливенько, чтобы и страшно и больно и здорово было ему.

А люди не вѣдали того и не слышали; жалоба бы о томъ къ народу не была, а то оскомину сотвориши душѣ своей.

И начнешь дѣломъ творити сіе, будетъ на ты милость околоточная и великихъ Берга и Грингмута старѣйшинъ благоволеніе, а наше тебѣ благословеніе.

СМИРЕННЫЙ НЕ-СИЛЬВЕСТРЪ.

Два звѣря.

„Въ случаѣ возникновенія гдѣ-либо безпорядковъ, требую самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій оружіемъ, такъ какъ давно пера съ этимъ покончить. За всякое дѣйствіе войскъ будутъ отвѣчать начальники“.

(Приказъ командующаго войсками одесскаго военного округа—бар. Каульбарса).

Жилъ въ лѣсу свирѣпный барсъ,

А въ Одессѣ—Каульбарсъ.

Дикій барсъ звѣрей съѣдалъ,

Каульбарсъ въ людей стрѣлялъ.

Барсъ лишь сытымъ быть хотѣлъ,

Каульбарсъ людей не ѣлъ.

Барсу—пуля суждена,

Каульбарсу—ордена.

Почему-же участь барса

Хуже доли Каульбарса?

Или орденъ дайте барсу,

Или пулю Каульбарсу.

Но поймите, звѣрь-же барсъ,

Человѣкъ вѣдь Каульбарсъ!

Ну, въ теперешній-то вѣкъ

Генераль—не человѣкъ.

Коль по правдѣ,—такъ теперь

Генераль—все тотъ-же звѣрь.

Эхъ, отправить Каульбарса

Погостить въ лѣсу у барса.

Пусть при этой новой мѣрѣ

Будутъ жить въ лѣсу два звѣря.

П—ЭРО.

Въ дѣтской.

— Вѣрочка! Чей это тамъ голосъ? папулинъ?

— Нѣтъ, Павлуша! Слышишь, какой онъ — сердитый и грубый: значить—дѣдюлинъ!

ТЕРМИДОРЪ.

Сказка про бѣлаго медвѣдя.

Жилъ былъ большой бѣлый медвѣдь. Ходилъ на волѣ, воздухомъ дышалъ и на солнышко поглядывалъ. Совсѣмъ ему хорошо было. Но выпило какъ-то, что его поймали и въ клѣтку посадили. Стали его образованіемъ заниматься, да потомъ чужимъ людямъ показывать: „Посмотрите, господа честные, какъ мы его здорово выучили. Кланяться умѣетъ, на шарманкѣ „Воже, царя храни“ играетъ и водку при публикѣ потребляетъ. А вѣдь все пустое говорить, что лучше лаской все дѣлать. Мы его всегда кнутомъ да палкой. Потому такъ и смиренъ“. И очень даже публика одобряла это. Надоѣло медвѣдю штуки всякія продѣлывать. Ворчить и не двигается. Укротитель въ клѣтку не полѣзъ конечно, а сталь его изъ-за рѣшетки горячимъ прутикомъ прижигать. Больно стало медвѣдю. Рванулся онъ. Собралъ свою силушку, кинулся на клѣтку, и лопнули желѣзные полосы... Вышелъ медвѣдь изъ клѣтки и хорошо ему на душѣ стало. Отпустили бы его домой и никому бы онъ ничего не сдѣлалъ, а тутъ укротители собрались, потолковали малость. И стали изъ-за угла палить въ медвѣдя. Разсердился медвѣдь не на шутку. Пальба конечно вещь пустая, а все же обидно. А самый то хитрый подходитъ и говорить ему сладенькимъ голосомъ:

— Братецъ ты мой, въ клѣтку мы тебя не посадимъ, только на тоненькой цѣпочкѣ держать будемъ, а за это, ради Христа, играй „Воже царя храни“, да водку потребляй при публикѣ. А то какія же мы дѣла дѣлать будемъ? А самъ тѣмъ временемъ говори другимъ „Ну, вы, не зѣвайте! Хватайте его живо!“

Медвѣдь услышалъ и пуще прежняго разсердился.

— А, такъ вы вотъ что! Ну, погодите! Покажемъ и мы себя! А какъ себя большой бѣлый медвѣдь покажетъ, другой разъ скажу.

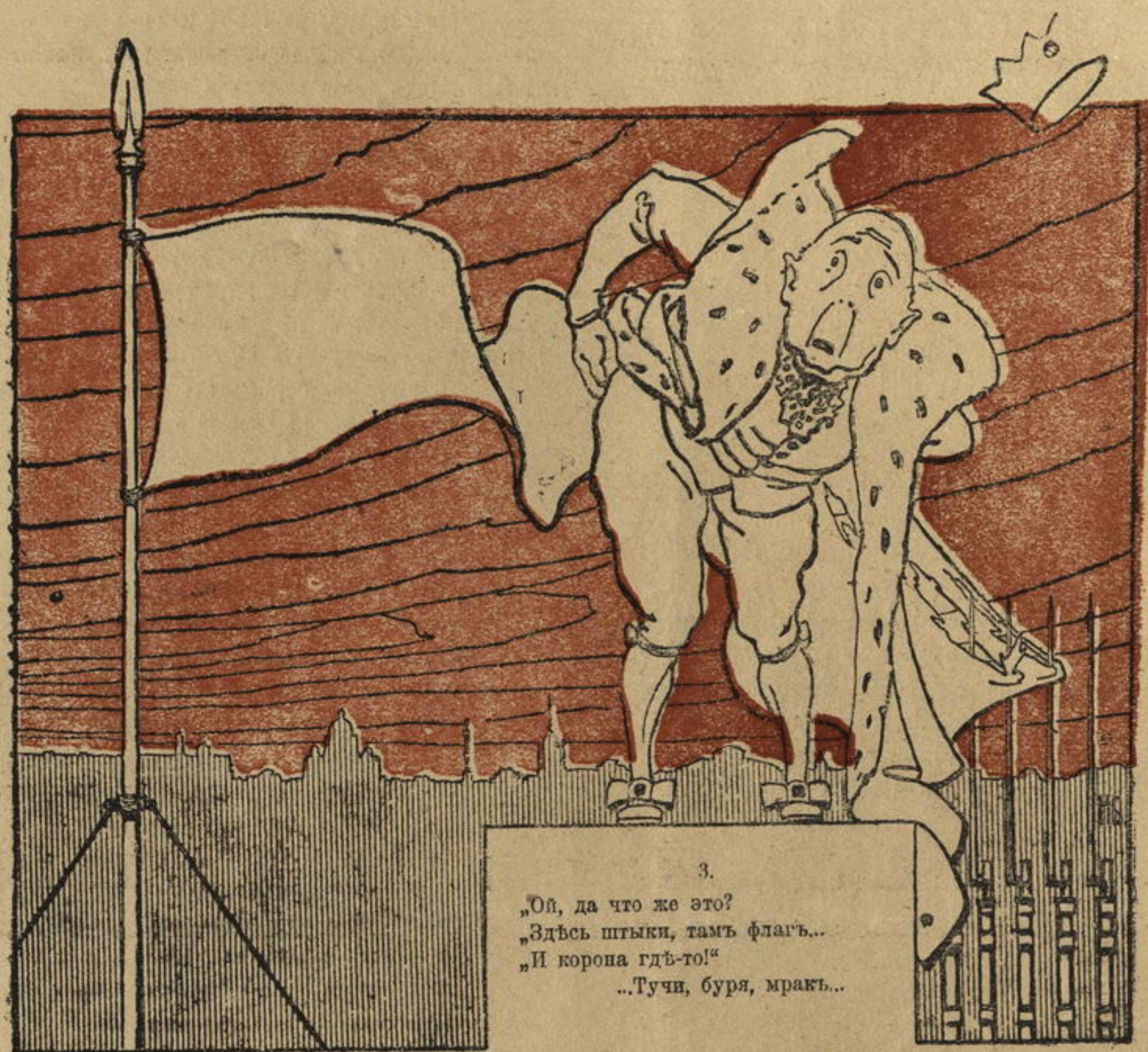
К. ОСТРОЖСКИ!

3.
„Ой, да что же это?
„Здѣсь штыки, тамъ флагъ...
„И корона гдѣ-то!“
...Тучи, буря, мракъ...

З Е М Ц Ы.

I.

Не укшуйники по морю поразгуливають,
Не монашенки по лавкамъ побираются, —
Въ Питеръ-городъ изъ столицы бѣлокаменной
На поклонъ къ Лисѣ собираются
Земцы — люди подудѣльные...

Какъ у нихъ, у земцевъ, приготовлены
Чемоданы — штуки иноземныя...
На ногахъ штилетки заграничныя,
На перстахъ жемчужины заморскія...
Богатѣи земцы важныя
Со душами со кристалльными,
Со мыслями либеральными
На поклонъ къ Лисѣ торопятся...

II.

Какъ во Питерѣ во градѣ Лисанька
Имъ ѣду-питье сготовила,
Та ѣда-питье словесное,
То словесное, слово честное...
Охъ вы гой еси, вы, земцы подудѣльные,
Мужиковъ друзья-пріятели,

Ждетъ пождетъ васъ со ѣдою Лисанька!
Съ ней вы малость поторгуетесь,
Поторгуясь, почеломкаетесь,
Почеломкаясь, хвостами повилаете,
А народъ простой,
Что мужикъ честной,
Скажетъ вамъ спасибо вѣрное,
То спасибушко примѣрное,
Для усадебъ только скверное!...

III.

Охъ вы гой еси, вы, земцы подудѣльные,
Вы снимайте-ка рубахи понатѣльные,
Скидавайте съ ногъ штилетки заграничныя,
Убирайте съ рукъ жемчужины заморскія,
Собирайтесь предъ народомъ рѣчь держать,
Рѣчь держать — отвѣтъ давать:
Чѣмъ васъ Лисанька кормила — потчевала,
На какой цѣнѣ вы сторговалися,
И кого министромъ сдѣлала,
И кого въ псаря свои пожаловала?

СИЛА ДВОРЯНИНОВИЧЪ.

На баррикады.

(Изъ пѣсень революціонной Франціи).

Пытая ссылкой и тюрьмой,
Намъ всюду ставили преграды.
Долой насильниковъ, долой!

На баррикады!

Пасть за свободу, какъ герой,—
Славнѣй и краше нѣтъ награды...
За мной, товарищи, за мной

На баррикады!

Кто всталъ подъ знамя къ намъ, тотъ—
свой,

Тотъ, помни, не давай пощады...
Въ послѣдній бой, въ побѣдный бой
На баррикады!

А. ГОСЛАВЛЕВЪ.

„Ночной царь“.

(Баллада какъ будто бы Гете, но и не Гете).

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?

То самъ графъ Игнатъевъ на тройкѣ лхой.
Онъ съ мудрымъ совѣтомъ спѣшитъ въ Петергофъ,
Спасать онъ Россію всѣмъ сердцемъ готовъ.

— Вся Русь воспылала огнемъ мятежа,
А власти, предъ черною презрѣнной дрожа,
Готовы сейчасъ чуть не все уступить,

И чуть не пощады у черни просить.
То былъ бы для насъ величайшій позоръ;
Но я, графъ Игнатъевъ, дамъ черни отпоръ.

Съ совѣтомъ я мудрымъ явлюсь во дворецъ.
— Возмите, — скажу, — древній Римъ въ образецъ.

Когда государству грозила бѣда,
Диктатора тамъ собирали всегда...

А ежели спросятъ: да гдѣ-же сейчасъ

Найдется достойный диктаторъ у насъ?...

Я выступлю смѣло впередъ и скажу:

Перстомъ имъ при томъ на себя укажу:—

Диктаторъ предъ вами!—и больше ни слова,

А къ утру,—глядишь—назначенье готово.

И вотъ—я диктаторъ! Я буду жестокъ...

Но все успокою въ короткій я срокъ...

Я въ школахъ немедля устрою казармы,

Пускай тамъ пока поселятся жандармы.

Студентовъ же всѣхъ я въ солдаты отдамъ—

Фельдфебель поучить ихъ тамъ... по зубамъ!

Евреевъ, поляковъ въ бараки я рогу

Согну безъ пощады! Запомнать урокъ!

А кто конституціей бредить начнетъ,

Для тѣхъ—не угодно-ль—готовъ пулеметь.

И многимъ я ножку подставлю тогда!

Эхъ, только-бъ поспѣть! Опоздаешь—бѣда!

Ямщикъ, ты заснулъ... Подгони лошадей!

Мнѣ нужно поспѣть въ Петергофъ поскорѣй.

«Да нонѣ шоссе-то ужъ больно не ладно...

Размыло его... ну, конямъ не повадно...

Еще опрокинешь!.. Смотри, буеракъ»!..

— Ты знаешь-ли кто я?.. Диктаторъ!... дуракъ!

Диктаторъ немного поменьше, чѣмъ царь.

«Скажи-ка на милость»...—Кнутомъ ихъ ударь!!

Ямщикъ испугался, ямщикъ задрожалъ

И что было силы коней онъ хлесталъ...

И тройка лхая не скачетъ—летитъ:

Вѣдь шутка-ль: въ коляскѣ диктаторъ сидитъ!

Ямщикъ погоняетъ... ямщикъ доскакалъ...

Предъ знаменемъ краснымъ графъ шапку сорвалъ.

П—ЭРО.

Чѣмъ кончится?..

...И въ странѣ царилъ леденящій душу ужасъ...

Никто сегодня не зналъ, что его ждетъ завтра. И завтра было такъ же страшно, какъ и сегодня, и вчера, и каждый день. На улицахъ было опасно ходить. Въ домахъ было опасно сидѣть...

Жутко было вездѣ.

И люди стали тяготиться. Однимъ захотѣлось теплаго и спокойнаго счастья, счастья домашняго звѣря. Другимъ хотѣлось побѣдить и воцарить новую правду, яркую и свѣтлую, какъ весна. Третьимъ не хотѣлось быть побѣжденными, и они старались не уступать, и въ дикомъ изступленіи и въ страхѣ за свои права призывали къ себѣ на службу ужасъ, ужасъ, ужасъ...

И никто не зналъ, чѣмъ все это кончится.

Въ странѣ былъ оракуль, который долго молчалъ. Но когда заговорили камни и стали взы-

вать къ небу, заговорилъ и оракуль.

И всѣ устремились къ нему.

И приходящіе спрашивали:

— Что будетъ съ нами?

Приходили маленькія дѣти, и оракуль отвѣчалъ имъ:

— Смерть!..

Приходили богатые и бѣдные, мужчины и женщины, старые и молодые, сильные и слабые, подчиненные и начальники, цари и подданные, и всѣмъ оракуль отвѣчалъ одно и то-же:

— Смерть!..

И смерть шла и косила жатву, очищала землю, чтобы водворить на ней новое царство, царство свѣта въ царствѣ тьмы. И чтобы создать новое, надо было уничтожить старое..

А оракуль по-прежнему твердилъ:

— Смерть!.. смерть всѣмъ!

...И въ странѣ царилъ леденящій душу ужасъ...

Зарницы

(Изъ книги безумія сына Сиромасова).

Безумному море по колѣно, а благоразумному и лука по горло.

Благоразуміе кладетъ лавры въ супъ, а безуміе вѣнчается ими.

Положить душу свою за други свои—развѣ это не безуміе?

Лучше воръ, чѣмъ шпионъ, ибо первый залѣзаетъ въ карманъ, а послѣдній въ душу.

Не ищи, сынъ мой, въ участкѣ участія, а у министра правды.

И если безуміе заключаютъ въ темницы, то міръ не становится отъ этого свѣтлѣе!

Говорю вамъ—судъ идетъ, прошу встать! и многіе изъ васъ не поднимутся...

Что намъ праведники, когда есть угодники.

И сивый меринъ благонамѣренъ

Въ Европѣ культура, а у насъ культъ «ура».

МСТИСЛАВЪ.

Результаты.

Паукъ.

„Въ одномъ изъ соборовъ Испаніи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій живеть фантастическій паукъ колоссальныхъ размѣровъ, питающійся масломъ лампадъ“.

Легенда.

Я слышалъ преданье: „Въ старинномъ соборѣ
Есть тысячелѣтній, огромный паукъ.
Тамъ слышится часто въ молитвенномъ хорѣ
Жужжанья предсмертнаго звукъ.
«Всѣ окна закрыла ткань сѣрыхъ сплетеній,
Сквозь нихъ пробивается солнце съ трудомъ;

Темнѣй съ каждымъ годомъ зловѣщія тѣни
Въ соборѣ сгущаются томъ.
«И люди косятся съ надеждой во взорѣ,
И смерти чудовища ждуть каждый годъ.
А страшный паукъ въ заповѣдномъ соборѣ
Живеть, и живеть, и живеть...»
—Со страхомъ недавно внималъ я той были.
Но все измѣнилось такъ чудно съ тѣхъ поръ!
Раскаты живительныхъ грозъ огласили
Страну, гдѣ стоитъ заповѣдный соборъ;
И окна всѣ настезь, и бури дыханье—
Сотреть паутину, исчезнетъ на вѣкъ,
И свѣтомъ наполнится старое зданье:
Гдѣ правилъ паукъ, будетъ тамъ человекъ.
PRESTISSIMO.

Столичные приемы.

Въ Божій храмъ веду сестру ли—
 Все патрули да патрули!
 * * *
 Въ гости къ дядюшкѣ Петру ли—
 Все патрули да патрули!
 * * *
 Кучеръ громко скажетъ «тиррру!» ли—
 Все патрули да патрули!
 * * *
 Ночь нечаянно потру ли—
 Все патрули да патрули!

АПОЛЛ. ПРИМАЧОВЪ.

Опять произволъ.

— Вѣдь, это чортъ знаетъ что такое!...
 — ?!
 — Да что жъ вы развѣ, Петръ Ивановичъ, не читали приказовъ объ увольненіи губернаторовъ?
 — А... Какъ же, читаль, читаль... съ удовольствіемъ!
 — Какое же тутъ удовольствіе? Помилуйте! Это безобразіе, это произволъ!... Гдѣ же у насъ неприкосновенность личности, когда столько почтенныхъ лицъ „прекратили по независимымъ обстоятельствамъ, — какъ выражались въ былое время газеты, — свою „общественную и профессиональную дѣятельность“! Вѣдь это возвратъ къ старому! Хорошо еще, если это только временная мѣра...

А. ШИЛО.

Губернаторская колода.

Въ губернаторской колодѣ
 Карты въ томъ и этомъ родѣ
 Все тасуются для пробы,
 И высокія особы
 (Или, проще, — помнадуръ)
 Рыщутъ сумрачны и хмуры...
 Кто безъ славы правиль Минскомъ,
 Аки тать въ лѣсу во Брынскомъ, —
 Для того не много чести
 Пребывать на прежнемъ мѣстѣ;
 Но земля у насъ обильна, —
 Есть и Астрахань, и Вильна,
 Губернаторскую залежь
 Можно сдать въ Орель или въ Калишъ...
 Изъ затасканной колоды
 Снова дѣлаются ходы
 И, — на все нужна споровка, —
 Вновь идетъ перетасовка.
 Пусть такая-то персона
 Въ Нижній ѣдетъ изъ Херсона,
 Пусть скорѣе для херсонца
 Возсіяетъ краше солнца
 Тотъ, кто властвовалъ Казанью...
 Такъ покорны приказанью,
 Изъ конца въ конецъ Россіи
 Рыщутъ мудрые, какъ змии,
 И съ душою голубиной
 (Хоть въ запасѣ и съ дубиной)
 Той же школы всѣ питомцы,
 Тѣ же старыя знакомцы.

ЖАКЪ МЕЛАНХОЛИКЪ.

Искорки.

Передъ защитой диссертациі.
Профессоръ. Обратитесь къ источникамъ, — сначала ссылка, затѣмъ заключеніе...
Доцентъ. Не обратно ли, г. профессоръ? Сначала заключеніе потомъ ссылка...
 МСТИСЛАВЪ.

Въ альбомѣ современникамъ

Г. Савостьянову,
Начальнику почты и телеграфовъ.
 Въ пальцахъ зудъ, въ душѣ отвага,
 Передъ нимъ лежатъ
 Терпѣливая бумага...
 Онъ строчитъ, строчитъ.
 По инерціи бушуетъ:
 Времена не тѣ...
 И какъ тетеревъ токуетъ
 Тупо на кустъ,
 Неумытъ, упрямъ, бездаренъ,
 Тянется назадъ...
 Поскобли: внизу татаринъ.
 Сверху — бюрократъ.
 Злобно ищетъ онъ „смутьяновъ“.
 Боже, пронеси!
 Сколько этихъ Савостьяновъ
 На святой Руси!

АВЕЛЬ.

Письма въ редакцію.

I. Милый Зритель, не знаешь-ли, кѣмъ приходится корнетъ Фроловъ палачу Фролову, «отличившемуся» въ 1881 г. казнью Перовской, Желябова и др.?

СКРОМНЫЙ.

II. Сгорая патристическимъ желаніемъ, чтобы генералу Куропаткину удалось, наконецъ, обнаружить свойственный ему военный талантъ, предлагаю назначить его главнокомандующимъ войсками, дѣйствующими противъ гимназистовъ.

Терпѣнія имѣю достаточно.
 ПАТРИОТЪ.

Редакторъ-издатель Ю. К. Арцыбушевъ.

Съ 15 Ноября редакция и контора журнала „ЗРИТЕЛЬ“ переведены

въ новое помѣщеніе: СПБ., НЕВСКІЙ, 28. Телефонъ 48—48.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ—ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 10 ДО 5 Ч. ДНЯ.

Открыта подписка на 1906 годъ.

Журналъ политико-общественной сатиры

2-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ЗРИТЕЛЬ

2-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Годовая цѣна съ пересылкой и доставкой ТРИ рубля.

Цѣна отдѣльнаго № 5 коп.

„ЗРИТЕЛЬ“ выходитъ отъ ОДНОГО до ДВУХЪ разъ въ недѣлю въ размѣрѣ 8—16 страницъ. ● Рисунки въ КРАСКАХЪ. Всѣ №№ съ 1 по 16 разошлись безъ остатка. Продолжается подписка съ № 17 до конца 1905 г.—ОДИНЪ руб. съ пересылкой. Всякую корреспонденцію—простую, заказную и денежную адресовать:

С.-Петербургъ, „ЗРИТЕЛЬ“ Невскій, 28 (д. Зингера). ● Адресъ для телеграммъ: С.-Петербургъ, „ЗРИТЕЛЬ“.
 Рукописи ни въ какомъ случаѣ не возвращаются. Письменные отвѣты для редакціи не обязательны.

Редакция открыта ежедневно отъ 3 до 5 час. дня.

Въ журналъ принимаютъ участіе: Андрусонъ Л. И., Арцыбушевъ Ю. К., Башкинъ В. В., Гинцъ Г. Е., Гуревичъ Ил. Б., Евреинъ Л. М., Каганъ И. Я., Кудиновъ А. А., Лихачевъ В. С., Мстиславъ (псевд.), Полферовъ С. И., Рославлевъ А. С., Столовичъ В. А., Успенскій В. Г., Фалѣевъ Н. И., Чехонинъ С. В., Шауманъ Н. Г., Шестопаловъ Н. И. и др.

Подписка наложеннымъ платежемъ не принимается. ● За перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Редакторы-издатели: Ю. К. Арцыбушевъ, Г. Е. Гинцъ, И. Я. Каганъ, Н. И. Фалѣевъ.

Типографія Я. БАЛЯНСКАГО, Спб., Забалканскій пр. 18.